

ГЛАВА II.

Тридцатый день мая 1887 года пришелся на понедельник. Это был один из ежегодных праздников нации во второй трети девятнадцатого века, который был выделен под названием День Украшения (ныне называется день поминовения), чтобы почтить память солдат Севера, которые принимали участие в войне за сохранение союза штатов.

Оставшиеся в живых после войны в сопровождении военных и гражданских процессий и музыкальных оркестров обычно посещали кладбища и возлагали венки из цветов на могилы своих погибших товарищей. Церемония была очень торжественной и трогательной. Старший брат Эдит Бартлетт погиб на войне, и в праздник семья имела обыкновение навестить Маунт Оберн, где он лежал.

Я попросил разрешения присоединиться к вечеринке и, когда мы вернулись в город с наступлением темноты, остался обедать с семьей моей невесты. В гостиную, после ужина, я взял вечернюю газету и прочитал о новой забастовке на строительных площадках, которая, вероятно, еще больше задержит завершение строительства моего злополучного дома.

Я отчетливо помню, как сильно я был возмущен этим, и возражения, настолько сильные, насколько позволяло присутствие дам, которые я расточал рабочим вообще и этим забастовщикам в частности. Окружающие сочувствовали мне, и замечания, сделанные в последовавшей за этим бессвязной беседе о беспринципном поведении рабочих агитаторов, были рассчитаны на то, чтобы у этих джентльменов защекотало в ушах. Было решено, что дела идут от плохого к худшему очень быстро, и что никто не знает, к чему мы придем в ближайшее время.

"Хуже всего то, - вспоминаю я слова миссис Бартлетт, - что рабочие классы во всем мире, похоже, сходят с ума одновременно. В Европе это даже гораздо хуже, чем здесь. Я уверена, что мне вообще не следовало бы осмеливаться там жить. Я спросила мистера Бартлетта на днях, куда нам следует эмигрировать, если произойдут все те ужасные вещи, которыми угрожают эти социалисты. Он сказал, что сейчас не знает ни одного места, где общество можно было бы назвать стабильным, кроме Гренландии, Патагонии и Китайской империи."

"Эти китайцы знали, на что шли, - добавил кто-то, - когда отказались впустить нашу западную цивилизацию. Они лучше нас знали, к чему это приведет. Они увидели, что это не что иное, как замаскированный динамит".

После этого я помню, как отвел Эдит в сторону и попытался убедить ее, что было бы лучше пожениться сразу, не дожидаясь завершения строительства дома, и провести время в путешествиях, пока наш дом не будет готов для нас. В тот вечер она была удивительно красива, траурный костюм, который она надела в знак признания этого дня, выгодно оттенял чистоту ее лица. Я даже сейчас вижу ее мысленным взором такой, какой она выглядела той ночью.

Когда я уходил, она последовала за мной в холл, и я, как обычно, поцеловал ее на прощание. Не было никаких необычных обстоятельств, которые отличали бы это расставание от предыдущих случаев, когда мы прощались друг с другом на ночь или на день. Ни у меня, ни, я уверен, у нее не было абсолютно никакого предчувствия, что это было нечто большее, чем обычная разлука.

Ах, ну что ж!

Час, в который я расстался со своей нареченной, был довольно ранним для влюбленного, но этот факт никак не отразился на моей преданности. Я был убежденным страдальцем от

бессонницы, и хотя в остальном был совершенно здоров, в тот день я был совершенно измотан из-за того, что почти не спал две предыдущие ночи. Эдит знала это и настояла на том, чтобы отправить меня домой к девяти часам, строго приказав немедленно лечь спать.

Дом, в котором я жил, был заселен тремя поколениями семьи, из которых я был единственным живым представителем по прямой линии. Это был большой старинный деревянный особняк, очень элегантный в старомодном стиле внутри, но расположенный в квартале, который давно стал нежелательным для проживания из-за нашествия многоквартирных домов и мануфактур.

Это был не тот дом, в который я мог бы привести невесту, тем более такую изящную, как Эдит Бартлетт. Я давал объявления о его продаже, а пока просто использовал его для сна, обедая в своем клубе. Один слуга, верный афроамериканец по имени Соьер, жил со мной и удовлетворял мои немногочисленные потребности.

Одной из особенностей дома, по которой, как я ожидал, мне будет сильно не хватать, когда я его покину, была спальная комната, которую я построил под фундаментом. Я вообще не смог бы спать в городе с его непрекращающимися ночными шумами, если бы мне пришлось пользоваться комнатой наверху. Но в эту подземную комнату никогда не проникал шум из верхнего мира. Когда я вошел в нее и закрыл дверь, меня окружила гробовая тишина.

Чтобы предотвратить проникновение влаги из недр в камеру, стены были выложены гидравлическим цементом и были очень толстыми, и пол также был водонепроницаемым. Чтобы комната могла служить также хранилищем, в равной степени защищенным от грабежа и поджогов, для хранения ценностей, я покрыл ее каменными плитами, герметично закрытыми, а наружная дверь была из железа с толстым слоем асбеста. Небольшая труба, соединяющаяся с ветряной мельницей на крыше дома, обеспечивала обновление воздуха.

Может показаться, что обитатель такой комнаты должен уметь повелевать сном, но редко случалось, чтобы я хорошо спал, даже там, две ночи подряд. Я так привык к бодрствованию, что мало переживал из-за потери одного ночного отдыха.

Однако вторая ночь, проведенная в моем кресле для чтения вместо кровати, утомила меня, и я никогда не позволял себе дольше оставаться без сна из-за страха получить нервное расстройство. Из этого заявления можно сделать вывод, что в моем распоряжении было какое-то искусственное средство для вызывания сна в крайнем случае, и так оно и было на самом деле. Если после двух бессонных ночей я обнаруживал, что на подходе к третьей у меня нет ощущения сонливости, я вызывал доктора Пиллсбери.

Он был врачом только из вежливости к форме, что в те дни называлось "нерегулярным" или "шарлатанским" врачом. Он называл себя "профессором животного магнетизма". Я столкнулся с ним в ходе некоторых любительских исследований феномена животного магнетизма. Я не думаю, что он что-то понимал в медицине, но он, безусловно, был замечательным месмеристом.

Именно с целью усыпления при помощи его манипуляций я посылал за ним, когда обнаруживал, что надвигается третья бессонная ночь. Пусть мое нервное возбуждение или умственная озабоченность будут сколь угодно велики, доктор Пиллсбери никогда не упускал случая через короткое время погрузить меня в глубокий сон, который продолжался до тех пор, пока я не проснулся от обратного процесса гипноза. Процесс пробуждения, спящего был намного проще, чем процесс его усыпления, и для удобства я заставил доктора Пиллсбери научить Соьера, как это делать.

Только мой верный слуга знал, с какой целью доктор Пиллсбери посетил меня и что он вообще это сделал. Конечно, когда Эдит стала моей женой, я должен был бы рассказать ей свои секреты. До сих пор я не говорил ей об этом, потому что, несомненно, в месмерическом сне был небольшой риск, и я знал, что она воспротивится моей практике.

Риск, конечно, состоял в том, что это могло стать слишком глубоким и перейти в транс, нарушить который гипнотизер не в силах, что привело бы к смерти. Повторные эксперименты полностью убедили меня в том, что риск практически нулевой, если соблюдать разумные меры предосторожности, и я надеялся, хотя и с сомнением, убедить в этом Эдит. Расставшись с ней, я сразу же отправился домой и сразу же послал Сойера за доктором Пиллсбери. Тем временем я отыскал свою подземную спальню и, сменив костюм на удобный халат, сел читать письма с вечерней почтой, которые Сойер положил на мой столик для чтения.

Одно из них было от строителя моего нового дома и подтверждало то, что я сделал вывод из статьи в газете. Новые забастовки, по его словам, отложили на неопределенный срок завершение контракта, поскольку ни мастера, ни рабочие не уступят спорный пункт без долгой борьбы. Калигула желал, чтобы у римского народа была только одна шея, которую он мог бы отрезать, и, читая это письмо, я боюсь, что на мгновение я был способен пожелать того же в отношении трудящихся классов Америки. Возвращение Сойера с доктором прервало мои мрачные размышления.

Оказалось, что ему с трудом удалось заручиться его услугами, поскольку он готовился покинуть город той же ночью. Доктор объяснил, что с тех пор, как он видел меня в последний раз, он узнал о прекрасной профессиональной вакансии в отдаленном городе и решил незамедлительно воспользоваться ею. Когда я в некоторой панике спросил, что мне делать, если мне опять потребуются услуги гипнотизера, он назвал мне имена нескольких гипнотизеров в Бостоне, которые, по его утверждению, обладали такими же великими способностями, как и он.

Испытав некоторое облегчение по этому поводу, я велел Сойеру разбудить меня в девять часов следующего утра и, улегшись на кровать в халате, принял удобную позу и отдался манипуляциям гипнотизера. Возможно, из-за моего необычно нервного состояния я терял сознание медленнее, чем обычно, но в конце концов восхитительная сонливость овладела мной.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2682524>